

От редакции: Год татарстанских юбилеев начатый с 80-летия Первого Президента Республики Татарстан М. Ш. Шаймиева, затронул и писательские круги (и не только татарстанские). В конце декабря минувшего года народному поэту Татарстана, нашему давнему другу, Разилю Исмагиловичу Валиеву исполнилось 70 лет. Эту же дату отмечают уже в начале 2017 года постоянные авторы журнала: поэт Валерий Черкесов (Белгород), драматург и прозаик Лев Кожевников (Казань). С достигнутым совершеннолетием, уважаемые именинники!

ТАТАРСКИЙ ПОЕЗД

Покидая Москву, я вслепую по ней не брожу –
 на Татарское кладбище
 прямо с утра прихожу,
 а потом – на вокзал (где людей –
 словно газа в «нарзане»).
 Жду состав до Казани.

Я смотрю на колёса, которые знают давно,
 кто когда-то под шпалы
 в дорожное лёг полотно.
 Хриплый крик испустив,
 на восток отправляются скорые.
 (Поезда – это многостраничные
 книги истории...)

Я иду на перрон.
 Пусть прожжёт меня окон глазами
 мой состав до Казани.

К башне Сююмбике,
 где звенят муэдзинов азаны,
 мои мысли несутся быстрой,
 чем состав до Казани!

Ничего не боюсь.
 Чем нас можно ещё устроить?

Мы прошли через столько смертей,
 что осталось – лишь жить.
 Только б вместо зелёных вагонов
 родных «Татарстана»
 не прислали к перрону другого –
 чужого – состава,
 что сожмёт моё сердце сильней,
 чем затянутый пояс...
 О, мой поезд! Мой поезд!..

Вот идёт он к перрону.
 Теперь не сойти бы с ума!
 За спиною – столица сама.
 Выше – космоса тьма.
 Впереди – зебры пёстрых шлагбаумов,
 доли с лесами...
 Наконец-то мой поезд пришёл!
 Мой состав – до Казани.

ЧЕЛОВЕК

Я – часть Вселенной. Малый островок
 в огромном мире, словно в бурном море,
 где хлещут волны вспененных тревог
 и гулкий ветер тянет песню горя.

Я невелик, но всё же — материк,
открытый настежь и ветрам, и взорам.
Копна волос, что мой венчает лик —
то буйный лес, шумящий над угором.

Бьёт в берега мне вечность-океан,
кипят во мне горячей магмой страсти.
Моя душа — клокочет, как вулкан,
и солнце светит с неба мне на счастье.

Течёт рекой история моя,
что в просторечье — памятью зовётся.
Листаю жизнь, как книгу бытия —
всё меньше в ней страничек остаётся.

Втекая в мозг, река вещает мне,
вскрывая древних бед первопричины,
о том, как земли корчились в огне
и погружались в водные пучины.

В те дни земля не знала, что она
землёй зовётся, а была — лишь твердью.
Зато теперь она нам всем дана,
как от отцов наследство —
для бессмертья.

Я — островок с названьем: «Человек».
Исчезну я — всё станет в мире пресно.
Но верю я: какой бы ни был век —
он не столкнёт меня в морскую бездну...

ПЕРВАЯ ИВА

Мне говорят: «Работай — и сполна
познаешь вкус труда и соучастья.
Работа всем на радость нам дана...»
А я хочу не радости, а — счастья!

Мне говорят: «Копай — и через год
ты здесь увидишь выросшую иву».
Ну, увидал. Ну, вижу, что растёт...
Но что мне — ива?
Мне бы жить счастливо!

Мне говорят: «Отлично всё идёт!
Не стой на месте. Вот тебе участок —
разбей тут сад, сажай здесь огород...»
Но что мне — огород? Я жажду счастья!

Мне говорят: «Ты знаешь, что к чему,
и над судьбой имеешь столько власти!
Не поскупись — учи других уму...»
И я — учу. А сам молю — о счастье.

Я дал лопаты в руки молодым:
«Копайте ямы, чтоб расти тут ивам».
Они копают. А в умах, как дым,
плывут мечты —
о том, как стать счастливым.

И, кончив труд, сошлись ребята в круг:
«В чём счастья суть?
Ведь вы постигли, верно?»
И не нашёл я слов. Лишь вспомнил вдруг —
листву той ивы, что сажал я первой...

ПРО СЧАСТЬЕ

Взобравшись на горную кручу,
я выдохнул стих,
в котором сказал о своём
понимании счастья.
Ведь именно там, рядом с небом,
я нынче постиг
родство всех людей,
что открылось душе в одночасье.

Как стали близки мне все те,
кто живёт под горой!
Какими родными вдруг стали
все дальние земли!
Вернулась любовь, объявив
все обиды игрой,
и с этой поры лишь влеченью
сердечному внемля.

Окутала плечи и мысли мои тишина.
Смотрю с высоты —
всюду мирные пахари пашут.
Затихли сраженья.
Осталась в минувшем война.
Одни лишь мальчишки
мечами картонными машут.

Лишь только они,
жаждой завтрашней славы горя,
ведут оловянных солдат
из бумажных коробок.

Весенние лужи — не лужи для них, а моря,
где добрых и злых
корабли утопают бок о бок.

А звёзды зажгутся —
и сразу сплошной хоровод
потянется, руки сцепив,
через все континенты,
со смехом вбирая в себя
за народом народ,
встречая входящих улыбкой,
даря комплименты...

Стою на вершине. Клубятся вокруг облака.
В закатном сиянии
льдистые пики лучатся.

Внизу не поймёшь,
как Земля эта сердцу близка —
о том я и выдохнул стих,
в нём поведав о счастье.

КАРТИНА

Я займусь волшебством, не обманом,
при посредстве приёмов простых:
белый лист — станет белым туманом,
и дождём — сетка линий густых.

А потом я тебя нарисую
бледным контуром, видимым чуть-чуть,
как ко мне ты спешишь через струи,
раздвигая туманную мать.

Нарисую глаза твои, если
мне удастся тот цвет подыскать,
чтобы в нём на бумаге воскресли
и тревога твоя, и тоска.

Чтоб несла ты слезинки вдоль улиц,
а я встретил тебя на ветру.
И чтоб ты мне — сквозь дождь улыбнулась,
когда я тебе слёзы утру...

СУТЬ БЫТИЯ

Всё стало за ночь вдруг иным в природе:
неясно — лето ль, осень на земле?
Не слышно птиц в саду и огороде,
не светят звёзды, спрятавшись во мгле.

На сердце пусто, как зимой в ненастье
возле реки, где лишь ветра визжат.
Душа раскрыта, как ворота, настезь —
хоть на саях со свадьбою въезжай!..

Смерть не бывает лёгкой. Плачет лето,
струясь слезами из небесных дыр.
Сегодня осень празднует победу —
и светят щёки яблоками в мир.

Как будто хрупкой, призрачной межою,
из лета в осень пробираюсь я.
И понимаю чуткою душою
суть бытия...

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Труба заводская дымит до небес,
закрыв дымом поле, и речку, и лес.
Но в городе тоже деревья растут,
корнями-когтями о камни скребнут.

Здесь красные падают с неба снега.
Весна здесь, как осень, скупа и строга.
Лишь в лавках цветочных среди тесноты
здесь можно увидеть живые цветы.

Здесь в розах без пчёл погибает нектар.
Здесь родина яблок и вишен — базар.
Плакучие ивы гурьбою калек
склонились над мутными водами рек...

Но сколько природу не мучь — всё жива!
Растёт в стороне от асфальта трава.
Поют соловьи у берёз на плечах.
И кружится бабочка в солнца лучах.

* * *

Ну почему всё в жизни вкривь и вкось?
Я жду добра, а мир клокочет в злобе.
В душе — огонь, а за окном — мороз,
вокруг — жара, а я трясусь в ознобе.

Я собираюсь в путь, в душе моля,
чтоб день был ясен и легка дорога.
А посмотрю — вокруг лежат поля,
словно спасенье, дождь прося у Бога.

стирая пот, что льётся мне в глаза,
я не ропщу, что ветер с ног сбивает –
ведь он собою чьи-то паруса
в далёком море туго надувает.

Когда есть солнце – для чего луна?
Пусть день бы цвёл всегда неутомлённым.
Но понимаю, что и ночь нужна –
где без неё найти приют влюблённым?

Я злюсь на дождь, что мочит огород,
я злюсь на солнце, на луну и ветер.
Ну почему же всё наоборот
из года в год идёт на этом свете?

Я жажду счастье встретить. Только где
оно бредёт неуловимым эхом?..
И вновь спешу к кому-то, кто в беде,
и вновь чужим рукоплещу успехам...

ОДИН МОЙ ДЕНЬ

Кто враг, а кто друг мне –
уже не могу разобрать,
закрывшись от мира поэзией,
как гермошлёмом.
Седым стариком я ложусь ночью спать
на кровать,
а утром опять поднимаюсь
юнцом несмыслённым.

Из слов выбираю лишь те,
что собой хороши.
(Так летом девочки цветы
собирают в букеты.)

На небо смотрю,
чтоб омыть им просторы души,
и снова глаза стали чистого синего цвета.

Чтоб руки мои
не казались вам слишком грубы,
когда пожимать вам ладони
в приветствии стану,
иду я к лесному ручью –
чтобы с рук и с судьбы
он смысл мне всю чёрствость,
её унося к океану.

И каждое утро я, будто впервой, за порог
иду, как ребёнок, шагая
в мир душный и зыбкий.
И мир, что обычно
предельно серьёзен и строг,
глядит на меня сквозь рассвет
с добродушной улыбкой.

И доли с лесами сулят мне
любовь и успех,
и верят мне без доказательств,
а так, между прочим.
Улыбчивы люди. И души открыты у всех.
И нет разделения их –
на друзей и на прочих.

Иду, пролагая дорогу сквозь дни и дела,
к далёкому счастью,
что спит медвежонком в берлоге.
Душа полна солнца,
и нет в ней ни капельки зла
на тех, кто меня обогнал,
оттолкнув по дороге.

Но вдруг застилает мне чистое небо гроза,
скрывая мечту мою ливнем плотней,
чем туманом.
Качается роца,
гремят надо мной небеса –
как будто я в драку вступил
со вселенским обманом.

Я падаю в грязь, поднимаюсь и снова иду,
опять спотыкаюсь и падаю снова и снова.
Вот кто-то лукаво меня вовлекает в беду,
шепча в моё ухо обманное, лживое слово.

Вот кто-то кричит моё имя
и машет сквозь мрак
пылающим факелом,
чтобы не сбился во тьме я.

А кто-то кричит:
«Не ходи туда, слышишь, дурак?!» –
и зло от добра
отличить каждый раз всё труднее.

От них отмахнувшись,
я мчусь через тёмный простор,
боясь опоздать до того заповедного часа,
когда горизонт запирают,
как дверь, на замок,
чтоб ночь не украла из снов наших
вести о счастье.

И я успеваю —
лишь начали дверь закрывать!
Я пот отираю устало с лица полотенцем...
Седым стариком я сегодня ложусь
на кровать.
А утром опять поднимусь
несмышлёным младенцем.

ПУТЬ

О, сколько раз я поезд провожал!
Я, как мальчишка, вслед за ним бежал.
Но ни один не возвратился вновь,
чтоб привезти назад мою любовь.

Умчал однажды поезд и тебя,
мои мечты о счастье погребя,
и я один остался вдалеке,
как тот вагон, забытый в тупике.

Ты написала: «В мире есть цветы,
которых дома не увидишь ты.
Есть острова, где лето — весь сезон,
примчись сюда и будь, как Робинзон».

Я сжал тоску сердечную в кулак,
купил билет, оставив лишь пятак.
И полетел состав через страну,
чтобы загладить тем свою вину.

Я у окна стою — и сквозь окно
мне видеть мир мелькающий дано.
Порой цветок замечу в стороне...
И вновь мираж дрожит в моём окне.

ОДА ВРАГУ

Если за ночь в душе моей, как на лугу,
вдруг погибнет цветок бестелесный,
то к утру — не любимому мною врагу
уже будет об этом известно.

Как бы я ни хотел — от него мне не скрыть
все прорехи в судьбе и помехи.
Но не хочет и глаз он порою открыть,
чтоб мои обнаружить успехи.

Он чернеет лицом, как от тысячи бед,
если видит, что я улыбаюсь.
Но руки не подаст и не скажет совет,
если я в безысходности маюсь.

Он со мной и культурен, и вежлив, и — да! —
не похож на нахала и хама.
Он мне в сердце глядит, но при том — никогда
не посмотрит в глаза мои прямо.

Он мне нужен. Его сам Аллах мне послал!
Я смотрю на него — и меняюсь.
Если б он вдруг исчез, то откуда б я знал,
где я прав, ну а где — ошибаюсь?..

ТЕАТР

*Карусель всё вертится и вертится...
Карусель построена на хитрости...
Мустай Карим.*

Вращаются миры и люди,
зима — становится весной.
А я всё жду, что дальше будет
под этой высью подвесной?

Вращаются дворцы, арены,
успех спешит беду сменить.
И мои мысли — постепенно —
вытягиваются стройно в нить.

Но лишь на сцену выхожу я —
лицо бледнеет, точно мел,
как будто я судьбу чужую,
словно чужой пиджак надел...

Входя в театр, любой из грешных
несёт свет счастья на лице,
как будто он груз дел кромешных
навек оставил на крыльце.

На сцене — заговор вершится,
клубится хитростей туман,
нас заставляя плакать, злиться...

О, этот сладостный обман!

ВОЛНА

Как были берега реки безгрешны!
В садах висели звонкие скворешни.
В природе — ни жестокости, ни фальши.
Так почему ж волна умчалась дальше?

Чтобы холмы высокие, как лбы,
не наблюдали ход её судьбы,
она всплеснула брызгами — и вскоре
исчезла в синем и бескрайнем море.

Дрожат у чаек слёзы на глазах.
Здесь даже звёзды вечные — в слезах!
Не виден берег, где растёт трава.
Лишь синева вокруг, лишь синева.

Там, у реки, цвели в лугах цветы,
росли деревья, травы и кусты.
Так почему ж волна спешила вдаль,
где — ничего, лишь слёзы и печаль?..

ПАМЯТНИКИ

Не уместить в себе вселенской красоты!
Просторы Родины до песни сжать не просто.
Поэт глядит на нас с гранитной высоты,
хотя при жизни — среднего был роста.

Мы — просто люди. Мы не бронза, не гранит.
Хотели б лучше быть, но выросли — такими.
Любой из нас для собеседников открыт.
Мы мудрецы порой, но чаще — простаки мы.

Но запоём мы — и во все концы страны
летят слова,

что сотням душ людских созвучны.
Пусть не гулять нам возле кратеров Луны,
зато с родной землёй вовек мы неразлучны!

Мы просто люди. И под памятником мы
частенько сходимся с друзьями
тесным кругом.
Отлиты в бронзе наши лучшие умы...
Но им встречаться не дано друг с другом.

ГОРИЗОНТ ОСЕНИ

Вот и осень золото-багровая!
Значит, шляпу доставай и зонт.
Льётся листьев грусть мягко-ковровая,
утекая вдаль за горизонт.

Чтоб последний раз лучей напиться,
пять берёзок выбежали в луг...
А с небес — кричат, прощаясь, птицы,
улетая на далёкий юг.

Ах, как душу птичий плач тревожит!
Вместе с ними плачут дол и высь.
Кажется, что сердце тоже может,
словно лист, за ветром унести.

Да и как ему не устремиться,
в небеса протягивая взгляд,
той дорогой, по которой птицы
к горизонту осенью летят?..

Перевод с татарского
Николая ПЕРЕЯСЛОВА

